

*Посвящается Терри Бруксу,
чье творчество вдохновило меня
и чья душевная щедрость —
это единственная причина,
по которой вы читаете
эту книгу.*

Жизнь полна дыр.

Даже в лучшие времена прожитые человеком годы никогда не образуют идеальный ковер, сотканный из сменяющихся дней, месяцев и лет, переплетенных друг с другом в безупречный узор, где все краски такие же яркие, как и в тот момент, когда нить только добавлялась к общему рисунку. Нет, с течением времени отдельные участки этого ковра изнашиваются от старости. Другие вытягиваются, теряя форму, поскольку человек, охваченный тревогой, снова и снова возвращается к ним и дергает за какие-то нити. Самое страшное, что большие части протираются настолько, что узор становится уже неразличимым. Но тем не менее память оказывается изворотливой мошенницей — раскрашивает заново потертости, латает разорванные места, штопает прорехи, нередко историями, не имеющими никакого отношения к правде, обусловленными лишь необходимостью. Эта починка нужна для создания единого целого, с чем уже можно жить.

В своем преклонном возрасте я далеко не в лучшей форме. Мой ковер изрядно подпорчен молью. Я приближаюсь к сотому году жизни. Посему, если я вас не помню, из этого не следует, что вы мне не дороги. Если я не могу вспомнить все подробности этого долгого повествования, это не делает его менее правдивым. Здесь, в закутке на чердаке, где я пишу, со мной мои заметки и рисунки, которые удерживают мое прошлое,

не позволяют мне забыть, напоминают о том, кем я когда-то был.

Начиная свое повествование, я оставляю последний из многих своих дневников раскрытым на самой последней странице. Ее образ, выведенный чернилами, смотрит на меня, оценивая, бросая дерзкий вызов. Я использовал пепел, чтобы передать ее волнистые волосы, использовал растолченную небесно-голубую ракушку, смешанную с маслом, для ее сияющих глаз и свою собственную кровь для ее губ. Улыбка ее печальна, словно она разочарована во мне. Взгляд жесткий и неумолимый. Щеки пылают едва сдерживаемым гневом.

Давным-давно я нарисовал этот образ по памяти — тогда я видел ее в последний раз.

*Пророчество возгласило, что ей суждено уничтожить мир.
И она его уничтожила.*

ДО

Роды проходят посреди болотной слякоти.

Она напрягается, сидя под окутанной туманом кроной узловатой водяной ниссы. Лианы душат огромное дерево, притягивая его ветви вниз, к мшистым склонам невысокого холма, окуная листья в затхлые воды медленно текущего ручья. Рядом с ней ствол толщиной с лошадь извит и закручен, словно дерево тщетно пыталось вырваться из этой затопленной низины.

Она потеет и учащенно дышит, широко раздвинув ноги. Поднятые высоко над головой руки крепко вцепились в лиану. Она висит, острые колючки впиваются ей в ладони, однако эта боль — ничто по сравнению с последними схватками, раздирающими тело и выталкивающими младенца из чрева. Из последних сил она сдерживается, чтобы не закричать, иначе могут услышать охотники.

И все же у нее вырывается стон, без слов из-за отсутствия языка. Как это принято в Азантийе, наложнице, доставляющей наслаждение своему повелителю, никогда не доступна такая роскошь, как речь.

Она делает последнее усилие и чувствует облегчение. Ребенок выскользывает из нее и падает в грязь под ногами. Она сползает по лиане. Вонзившиеся в ладони колючки раздирают плоть. Она бессильно опускается в липкую жижу, новорожденный младенец лежит между бедрами. Он

все еще привязан к матери перекрученной окровавленной пуповиной.

Судорожно всхлипывая, она берет охотничий нож, лежащий на земле у ствола. Этот нож принадлежит не ей, как и кровь, запятнавшая его лезвие. Нож вложил ей в руки ее спаситель, человек, нарушивший обет, чтобы помочь ей бежать из гарема. Переплыв под сияющим глазом зимнего солнца Бухту Обещаний, преследуемые рыцарями из королевского легиона, они высадились на землю на предательском побережье, где располагается Миррская трясина. Береговая линия представляла собой лишь размытую полосу, где голубые воды моря встречались с полупресными водами мангровых зарослей. Когда челнок уже не мог продвигаться дальше в глубь болот, спаситель отправил ее пешком, а сам, усердно работая шестом, повел челнок прочь, чтобы сбить с толку преследователей.

Оставшись одна, она перерезает ножом толстую пуповину, освобождая младенца от своего тела и от своего прошлого. Она полагала, что ее чрево опустело, однако живот у нее снова судорожно содрогается. Она ахает, исторгая из себя детское место и кровь, обливающую новорожденного. Испугавшись, что ребенок захлебнется с первым же вдохом, она насухо вытирает ему лицо. Его глазки остаются закрытыми, словно не желая видеть этот суровый мир. Истерзанные ладони матери оставляют на сморщенном личике новые кровавые подтеки. И все-таки младенец открывает крошечные поджатые губки — в полумраке синие, почти черные.

«Дыши, малыш...»

Она растирает маленькую грудку и молится.

Первая молитва получает ответ, когда ребенок шевелится, совсем чуть-чуть, и делает первый вдох. Вторая остается неслышанной, когда она обнаруживает, что ребенок — девочка.

«Нет!..»

Она снова берет нож и приставляет острие к горлу новорожденной.

«Уж лучше так...»

У нее дрожит рука. Она наклоняется и целует лобик, сморщившийся в первом крике в этом суровом мире. Она молится, прося прощения и стремясь объяснить. «Будь свободна от меня. От моего прошлого. От моего позора. От тех, кто хотел тебя забрать».

Однако прежде чем она успевает что-либо сделать, Матьер Снизу наказывает ее за то, что она осмелилась отказаться от дара, ниспосланного ее чреву. Новые судороги сжимают ей живот. Между бедрами вытекает кровь. Боль, сперва обжигающая, затем превращается в жуткий холод. И все равно поток не утихает, выливая из нее на землю ее жизнь.

Она читает правду в расплывающемся пятне.

Выросшая среди наложниц, она помогала повитухам, ухаживающим за другими девушками, которые обнаружили у себя в чреве ребенка, несмотря на отвары травы бесплодия. За два десятка лет ей довелось насмотреться на роды во всех их бесчисленных формах: одни радовались, другие испытывали страх, большинство принимали это с обреченным равнодушием. И везде были слезы. Были кровь, испражнения, разорванная плоть, младенцы, рождавшиеся задом наперед, и другие, изуродованные отварами, были крохотные тельца, сломанные матерями в попытке оборвать жизнь ребенка до рождения. В юности она проклинала последнее. Понятия не имея о том, каково быть ребенком, рожденным в неволе только для того, чтобы рано или поздно погибнуть в страшных мучениях от руки хозяина.

Однако со временем она усвоила все жестокие уроки.

Она смотрит на нож, приставленный к горлу новорожденной дочери.

К этому времени под младенцем уже натекла целая лужа крови. Ее запах привлекает мух и кровососов. Она смотрит в маленькие глазки, только-только открывшиеся, а в лесу наступает благоговейная тишина. Птицы умолкают, остается лишь жужжание насекомых. Справа раздается громкий всплеск.

Она напрягает свою остывающую плоть и поворачивает голову. Даже это малейшее движение плотнее смыкает вокруг нее мрак. Из лениво текущего ручья выползает здоровенное пресмыкающееся. Когтистые лапы цепляются за раскисшую землю, подтягивая длинное тело, ведомое пастью с острыми зубами. Хотя и не имеющая глаз, рептилия безошибочно направляется напрямиком через траву и мох, как и мухи, ориентируясь на запах крови.

«Нет!..»

Инстинкт защитить ребенка сметает прочь горькие уроки прошлого. Она отнимает лезвие от горла дочери и угрожающе направляет его на приближающееся чудовище. Однако понимает, что сможет нанести лишь неглубокий порез — и то лишь в лучшем случае. Хищное пресмыкающееся размерами вдвое превышает ее и весит вдесятеро больше. Она чувствует его возраст, читает прожитые столетия в толстом слое изумрудно-зеленого мха, покрывающего черную чешую.

Несмотря на возраст, рептилия убыстряет бег, приближаясь и не обращая внимания на бесполезный нож. Она несет с собой запах сырого мяса и затхлой воды. Мох на боках и спине тускло сияет в полумраке леса.

Тем не менее мать поднимается на колени, закрывая собой младенца. У нее нет сил, чтобы встать. Рука, сжимающая нож, трясется. Боль продолжает все плотнее сжимать мрак вокруг.

Она готовится ощутить сильный удар, как это столько раз бывало на благоухающем ложе ее господина. Собственное тело никогда ей не принадлежало.

У нее в груди вспыхивает ярость. Даже этот огонь в прошлом был ей запрещен. В это последнее мгновение она согревается этим пламенем и кричит, давая выход остаткам сил. Она закрывает глаза и кричит небесам, кричит на чудовище, на себя саму, на ребенка, который не должен был появляться на свет.

И впервые в жизни ее по-настоящему слышат.

Пронзительный крик отражается от неба. Она слышит его не столько ушами, сколько всем своим телом. Крик вспарывает ей плоть, настолько острый, что проникает до самых костей. От этого усилия у нее на теле волосы встают дыбом. Она открывает глаза и видит, как пресмыкающееся останавливается, замирает в грязи не далее чем на расстоянии вытянутой руки от нее. Охваченное страхом, чудовище выкручивается, разворачивая свое огромное тело, и спешит вернуться под защиту черной воды.

Однако, прежде чем оно успевает скрыться, разрывается полог ветвей над головой. Громадная тень ныряет сквозь листву и падает на рептилию. Похожие на серпы когти вспарывают твердую чешую. Под натиском могучих лап этого существа размером с тележку для сена крушатся кости. Кожистые крылья взмываются вверх, задевая женщину, отбрасывая ее от младенца.

Она далеко отлетает и ударяется об узловатый ствол дерева. Лежа на боку среди переплетающихся корней, она смотрит, как огромные крылья делают взмах, поднимая существо обратно в воздух. Оно уносит прочь хищную рептилию. Острые когти разрывают ее пополам и швыряют древнее тело обратно в черные воды.

После чего крылатое создание садится на землю.

Оно поворачивается к женщине, представая перед ней во всем своем зловещем великолепии. Существо высоко поднимает здоровенные кожистые крылья, настолько тонкие по краям, что сквозь них пробиваются полоски солнечного света. Голову оно держит низко, у самой земли. Покрытые пушком большие уши направляются на женщину. Длинные щели ноздрей раскрываются шире, морщатся, втягивая воздух. Существо шипит, поднимает дыбом шерсть на короткой шее и запрокидывает голову назад.

Женщине знакомо это существо — его знает вся Азантий: гроза болот, внушающая ужас летучая мышь Миррской трясины, ядовитая обитательница окутанного туманом вулкана Кулак, расположенного в самом сердце затопленных земель. Об этом животном ходят легенды, хотя мало кто после встречи с ним остался в живых, чтобы поведать об этом. Ни один охотник никогда не возвращался с такой неуловимой и опасной добычей. Даже костей гигантской летучей мыши нет в зверинце зámка.

С застрявшим в горле сердцем женщина изучает сидящее перед ней чудовище.

В ответ на нее смотрят безжалостные немигающие глаза, холодные, словно черные алмазы. Из горла вырывается непрерывное шипение. От этого звука, выходящего за пределы слышимости, у женщины пробегает дрожь. Она чувствует его своими зубами, своим черепом, этот звук разливается по ее мозгу подобно горящему маслу на поверхности воды. От проникающего насквозь взгляда ей становится не по себе.

Чудовище угрожающе растягивает губы, обнажая длинные клыки, на которых блестит тонкая пленка смертельного яда. Опираясь на руки-крылья, оно ковыляет к женщине.

Нет, не к ней — к лежащему на земле младенцу.

Новорожденная машет в воздухе ручонками и ножками, словно подзывая огромное животное.

Женщина хочет встать на защиту своей дочери, однако она потеряла нож. Впрочем, это все равно не имело бы значения. У нее не осталось сил даже ползти. Тело ее такое же холодное, как земля под ним. Теплыми остаются только слезы, неудержимо текущие по щекам. Признавая то, что она больше ничего не может сделать, женщина бессильно опускается на корни дерева.

Ее поглощает мрак.

Но в самое последнее мгновение она еще раз смотрит на своего ребенка. Хотя ей не удалось дать малышке жизнь, она преподнесла ей почти такой же бесценный дар.

Свободу — пусть и такую недолгую.

Женщина находит в этом утешение, чувствуя, как тени стирают окружающий мир.

Однако удовлетворить новорожденную не так-то просто.

Проваливаясь в небытие, женщина слышит первый крик младенца, жадный и гневный. Она ничем не может унять этот голос жизни, обрывающейся до того, как начаться. Она лишь дает на прощание совет, урок, полученный собственным горьким опытом.

«Лучше умереть свободной, доченька!»